

Мой шлюп

*среди морей, в которых двадцать лет
проползала итакская улитка
пльви, мой потрясающий корвет,
мое литературное корытко
.....
я вам пришлю обломок янтаря...*

Дмитрий Легеза

По глади луж, где тапки хлюп да хлюп,
покуда не разъедутся в экстазе,
пльви, дырявый мой бумажный шлюп,
полулитературный старый тазик.
Пусть нам совсем не ведомы моря,
сплошные галсы кривы и непрытки,
и кинули обломком янтаря
с проплывшей мимо шустренькой корытки,
пробив по ватерлинии дыру,
да так, что вместо ног теперь протезы,
к опасным рифмам тащит на ветру,
и не догнать нам крейсера «Легезы»
и многих прочих, шкандыбай вослед,
ищи-свищи, подобно ворожее
(хотя бы даже полностью ослеп),
куда ушла флотилия кенжеев,
изобрази на миг собой линкор,
пока не завернули в ванной краник,
и, чтоб никто не расстрелял в упор,
пойди на дно, мой крошечный титаник...
Пускай давно утопли мудрецы,
в наследство мне оставившие тазик,
задача наша - не отдать концы,
покуда князя лепим мы из грязи...

Тень отца

(над данией нависла тень конца)

Е. Орлов

Над Данией нависла тень отца
И застигает солнце слегонца –
Кого колышет то, что здесь неладно?! –
Из сумрачной выходит полосы
И, молча, ухмыляется в усы,
Прогуливаясь в кителе парадном.

Когда вернулся издали сынок,
То замер в ожиданьи Эльсинор:
Как будет изворачиваться Клавдий?
Какой теперь to be or not to be,
Когда герой из записных дубин!?
Об этом даже пишут в «Датской правде».

Вожак лихих гвардейцев Фортинбрас,
Умеривая радость датских масс,
Не раз являл нам свой отважный норв.
Горациозных стало дохера.
Один героем Дании вчера
Заколот на мосту у Эльсинора.

Покуда Розенкранц и Гильденстерн
Толкают в месяц тысячу цистерн,
Звезде гореть на датском небосклоне.
Финальный кадр, фиксирующий «cheese».
Но как ты в Виттенберге ни учись,
На каждого отыщется полоний.

А жить все лучше, жить все веселей.
Еще чуть-чуть и будет юбилей
У Клавдия. Все выше, выше рейтинг.
Тому причиной - армия и спорт.
И то, что мы себе вернули фьорд.
И в Дании мы все гордимся этим.

На тень отца наводится плетень,
Железный, как решетка на плите.
Поджарь слегка истории страницу.
А после нас – известно – хоть потоп.
И что случится с Данией потом,
То мудрецам, конечно, и не снится.

Осколок витража

...А снег еще так искренне глубок.
Но на листах зимы весны помарки
Уже лежат. И на скамейке в парке
Уже свернулся в гордиев клубок

Сценарий нашей драмы. И пером
Не вырубить того, что топорами
Написано о нас в оконной раме
На этаже немислимо втором.

И пальцы рук, предательски дрожа,
Как будто у продрогшего слепого,
Все гладят мартом брошенное слово -
Осколок от цветного витража...

Ватерлоо

Ты складываешь руки на груди,
Что твой Наполеон при Ватерлоо,
И, находясь в тисках волненья злого,
Все ищешь слово. Ищешь это слово,
Которое обычно находил.

Сейчас его ты скажешь, и пойдут...
И залп взьерошит воздух, торжествуя.
Падут зерном кровавым на траву, и
подхватит гром музыку полковую.
И за редутом захлестнет редут.

Ты сглатываешь этот в горле ком -
Событий предвкушение такое,
Когда ты, словно не своей, рукою
Меняешь мир, течением влеком.
Хотя оно, казалось бы, на кой им!?

И ты стоишь, судьбу свою чертя,
Хоть линии с твоей ладони стерлись.
Пожаром забеснуется костер лиц,
Спалив сомнений лес ко всем чертям.
Ведь у тебя все битвы – Аустёрлиц.

Ты сбрасываешь гору с плеч в тиши.
Язык и губы от волненья сухи.
И кажется – старухе нет прорухи.
Но ты ещё не знаешь, что Груши
Заблудится. И будет полный блюхер.

Стихоторенье

А жизнь всегда – одно стихоторенье.
Мир ручейком течет из-под руки.
Стремясь пальнуть в крылатое прозренье,
Ты взводишь запятые, как курки.
А мимо – дни сверканием роллс-ройса.
Держи карманы – лишнего ни дня
В пустой кубышке, сколько в ней ни ройся.
Уходишь дальше, так и не поняв.

И точит ночь свой карандаш, клишея.
И ай да пушкин! Ай да сукин ас!
Но вновь письмо засунет в петлю шею.
Плетется рифмой жизни тарантас.

Затянет речь в метафоры горнило
Засловорить свободные места.
И проступают набело чернила
С той стороны измятого листа.

Кудахчет смерть и задает нам тему.
Гремит доска, как главный лейтмотив.
И, бросив крест на собственное тело,
Уходишь дальше, так и не простив.

Всю жизнь свою размажешь по листочку,
Финал узрев, изменишься в лице.
И вот тогда уже поставишь точку.
Но влепит Бог контрольную в конце.

Suum Cuique

Птицам – крылья, а Богу – Богово.
Пишущим – белизну листа...
Слишком многого, слишком многого
Часто просим мы у Христа...

Что просить!? На судьбы изломе, на
Перекрестке скупых щедрот
Нам дана лишь любви соломина
Да надежды непрочный лед...